

9

1993

СЕМЬЯ
БЕЗ СОСЕДЕЙ

МАРСИАНСКИЙ
КОВЧЕГ

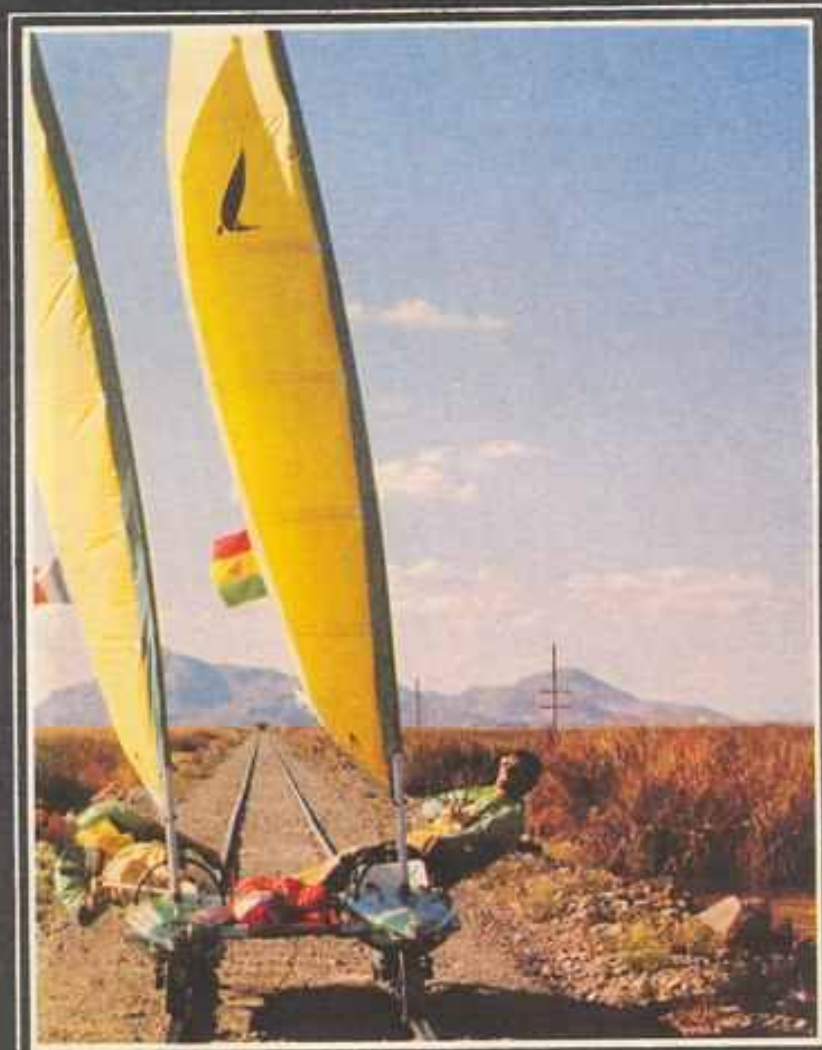

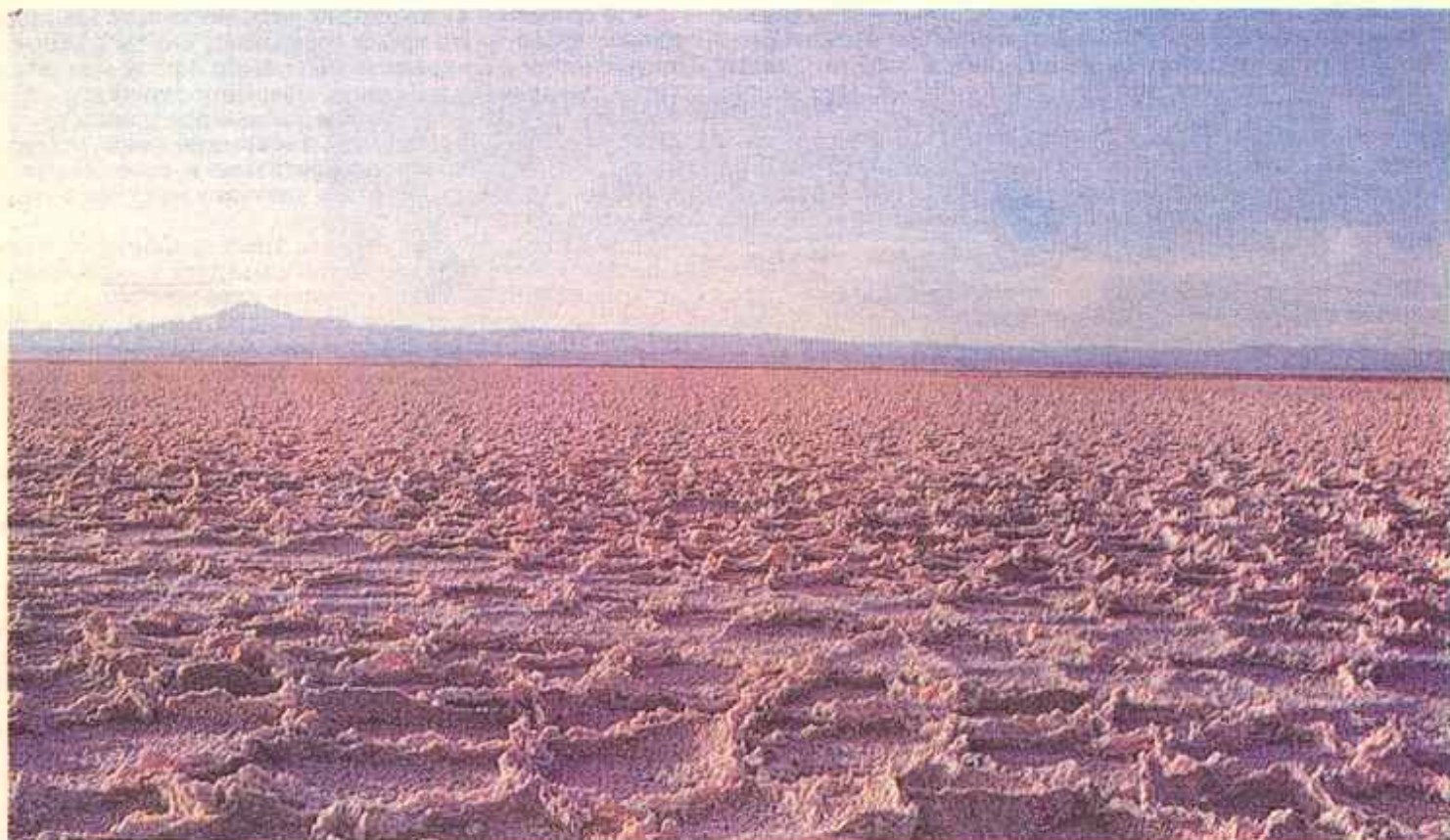
ПОКЛОННИКИ
ХРОМОСОМ?

КРУГОСВЕТКА
НА ВЕСЛАХ

ISSN 0321-0669

ВОКРУГ СВЕТА

Яцек ПАЛКЕВИЧ,
итальянский путешественник—
специально для «Вокруг света»
Фото автора

САМАЯ ПУСТЫННАЯ ПУСТЫНЯ

Низкое, над самым горизонтом, солнце отбрасывает четкие и длинные тени, перерезающие лунный пейзаж пустыни. Мне кажется, что я испытываю те же чувства, что испытывал Нейл Армстронг, который почти четверть века тому назад ступил на поверхность нашей ближайшей космической соседки. Зрелище поистине апокалиптическое. Вокруг меня громоздятся силуэты гор, похожие на застывших в камне допотопных чудовищ.

Слева — глинистые образования. Справа — выход разноцветных пород и светлые массы извести. Никогда раньше мне не приходилось видеть столь суровый пейзаж. Это — лунная долина на севере Чили, в сердце пустыни Атакама, считающейся самой дикой на Земле.

Я решил в одиночку проникнуть в этот край невиданной красоты и, сделав запас достаточного количества воды, провел три дня в этом пекле. Сейчас мое прикло-

чение подходит к концу. Песчаный горный хребет выводит меня к юго-восточной части долины. Далеко внизу, окруженный красноватыми песками пустыни, зеленеет остров. Вид оазиса Сан-Педро-де-Атакама ласкает взгляд после длительного пребывания во враждебном человеку крае, но может стать и смертельной ловушкой, как это случилось с одним немецким туристом, который пять лет тому назад пустился в путь всего лишь с одной флягой воды. Он потерял ориентацию и умер после трех дней скитаний от обезвоживания организма.

Это безжизненный мир, где лишенный воды человек обречен на смерть. Скалы, известняки, камни, глина, соль, песок — все это представляет загадку. Возьмем, к примеру, песок: всякий раз, когда я оказываюсь среди дюн, я не устаю восхищаться невиданной простотой форм и геометрическим порядком, царящим в природе.

Разнообразный рисунок дюн невероятно красив, совершенны широкие и гармоничные линии, созданные беспрестанно утюжающими пустыню ветрами. Пустыня неумолимо наступает на остальной мир со скоростью 5 — 10 метров в год.

Провожу в одиночестве еще одну ночь. Воздух перестал быть сухим и обжигать легкие, как еще два часа тому назад. Под вечер поднялся ветер, и хотя сейчас, на закате, он поутих, температура воздуха кажется вполне приятной. Позже, среди ночи, станет совсем холодно, и придется плотнее закутаться в теплый спальный мешок.

Утром добираюсь до Сан-Педро-де-Атакама. Маленький зеленый оазис, погруженный в самую засушливую пустыню Земли, сейчас находится в центре интересов мирового молодежного

туризма. Здесь, в 1400 километрах от Сантьяго и на 2140 метрах высоты, царит та же атмосфера, что и в Таманрассете, Катманду, Бангкоке или Анкоридже. Многонациональное войско молодежи, выгапывающей дороги планеты подошвами башмаков, великолепно чувствует себя в городе. Ребята крепко спят в скромных жилищах, едят местную пищу в харчевнях, суют повсюду свой любознательный нос и оглашают окрестности многоголосьем англо-испано-арабо-тайландским говором.

Когда двенадцать лет тому назад я посетил Сан-Педро, там буквально негде было переночевать. Сейчас открылась дюжина маленьких гостиниц, и семь туристских агентств наперебой предлагают вам посетить гейзеры, вулканы, поселения аборигенов и Салар-де-Атакама — огромное высохшее озеро, поражающее своей величественной и необычной красотой, волшебными миражами и простором, составленным из бесчисленных шестиугольников потрескавшегося грунта, которые на закате окрашиваются в розовые тона.

Салар, остров Пасхи и Антарктида — три сокровища чилийского «экспорта». За год Сан-Педро посетили три тысячи туристов, и число их постоянно растет.

Когда пересекаешь границы оазиса Сан-Педро, пустыня тотчас исчезает как по мановению волшебной палочки. В прохладных домах, в тени церкви, в полях пшеницы и маиса, протекает спокойная жизнь двух поселений; одного — белого, испанского происхождения, другого индейского, боливийского происхождения, которое говорит до сих пор на языке аймара. Жителей всего чуть больше 1600, но ничто не напоминает в них о древней культуре атакамень, этой

поражительной цивилизации, известной необычайным умением приспособляться к жизни в пустыне, и зародившейся здесь вместе с первыми отрядами охотников, которые спустились с севера примерно 10 тысяч лет до нашей эры и стали через тысячелетия пахарями и пастухами, торговцами и жрецами. Эта цивилизация достигла наивысшего расцвета примерно к 1000 году, когда она стала культурным, политическим и религиозным центром всей северной части Чили. В то время здесь выращивали маис, стада лам и альпак наполняли оазис, в деревнях плели пончо и покрывала, трудились над украшениями из меди и серебра, лепили вазы и амфоры с головами кошек и кондоров, обжигали глину.

Большую деятельность развернули атакамень в качестве торговых посредников между прибрежным населением и горами: с Тихого океана поднимались караваны с рыбой, ракушками, водорослями, тюленьей кожей, а с Анд несли медные и бронзовые изделия, шерсть альпак, кожу. Одним словом, это был большой индейский рынок. И, несмотря на внешние влияния, Сан-Педро никогда не терял своей культурной самобытности. Люди говорили на конса, особом наречии, не имеющем ничего общего ни с боливийским аймара, ни с кечуа перуанских инков, они поклонялись божествам пустыни, с которыми одурманенные специальными снадобрями жрецы и шаманы вступали в контакт. Они орошали засушливые земли, используя воды от тающих снегов. Позже, в 1470 году, когда пришло инкское войско Тупака Юпанки, уклад жизни резко изменился. И когда Диего де Альмагро достиг оазиса, он застал уже там цивилизацию, пребы-

Арина. Берег Тихого океана.

вающую в упадке. Так что на сегодняшний день от древнего Сан-Педро осталось всего 400 мумий, 5000 скелетов, тысячи ваз, украшения и предметы культа, собранные бельгийским иезуитом Густаво Ла-Пежем в пятидесятые годы, когда он утонул в пустыню в поисках утраченного времени.

Перед музеем, который носит его имя, на главной площади чилийского оазиса, дети проводят день, играя в пыли, бегая вокруг колокольни из белого известняка, построенной испанцами в XVI веке. Чуть дальше, в тени массивных портиков в колониальном стиле, сидя за столом, лениво переговариваются мужчины, подливая себе в стаканы популярный здесь напиток «писко». Часы неспешно движутся, и никто никуда не спешит. Из переулков доносятся приглушенные звуки, еще больше подчеркивающие тишину и покой.

Сан-Педро медленно погружается во тьму, крохотная и почти незаметная песчинка, поглощенная дышащей огнем пустыней, раздавленная массой Кордильер и вулканом Ликанкабуром, нависающим над долиной мрачным гигантом. И как раз на его стенах из черной лавы виднеется узкая тропинка, которая ведет, казалось бы, за грань мира. Она поднимается, петляя по склонам и пробираясь к иной пустыне — расположенной на высоте 4000 метров над уровнем моря андийской пуне.

Я оставляю оазис и поднимаюсь на вершину вулкана, где белизна ледников уступает место желтизне серы, скопившейся здесь за века извержений.

Сан-Педро-де-Атакама – подлинный оазис в пустыне.

Этой мумии из археологического музея в Сан-Педро-де-Атакама 7 тысяч лет.

На вершине некогда стоял прекрасный храм, к которому имели доступ только жрецы, выполняющие особые, лишь им ведомые ритуалы. Сегодня дорога открыта и для простых смертных.

Это мир одиночества, на километры и километры – ни единой живой души, лишь горы, солончаки да причудливые нагромождения лавы.

И вот с вершины вулкана Ликанкабур, с высоты почти шесть километров, я лю-

буюсь невероятной красотой пустыни. Отсутствие влаги делает воздух необычайно прозрачным, все видится удивительно четко. Я с трудом дышу из-за разреженности воздуха. Страшно холодно, и трудно представить, что внизу, в полтора днях пути, пышит жаром Атакама, раскаленный ад, где 500 лет тому назад погибли отряды конкистадора Диего де Альмагро, первого завоевателя инкского Чили. Полоса песка и камней длиной более тысячи километров проходит по тропику Козерога, зажата между берегом Тихого океана и поражающей воображение цепью вулканов.

Чарльз Дарвин справедливо назвал эту зону «utterly desert», «полной пустыней»; в некоторых районах количество осадков не поддается измерению, иногда оно составляет десятую миллиметра в год, да и то лишь в виде утренних туманов. В иных поселениях неподалеку от Каламы дождь – историческое событие: в последний раз оно имело место двадцать лет тому назад, и ни один из ныне живущих не упомянет еще одного такого случая.

Главное следствие столь засушливого климата – отсутствие какого-либо растительного покрова. Лишь редким упрямым кактусам удается выжить там, где ночная сырость и зимние туманы дают им хотя бы небольшой шанс. Ломос – так называют индейцы эти островки жизни, притягивающие насекомых, мелких грызунов и птиц, которых не встретишь в других местах Атакамы. Кактусы представляют собой поразительное доказательство умения растений приспособливаться к окружающей среде, но и человеку пришлось проявить немало упорства, чтобы освоить эти от веку бедные и враждебные земли.

За воротами Сан-Педро на высоте 2300 метров на три тысячи квадратных километров простирается гигантская впадина, об-

разовавшаяся на месте высохшего древнего озера, оставившего на дне толстый слой соли. Зимой, во время ночных холодов, корка соли затвердевает, и по всей этой ослепительной белизне можно проехать на машине и достичь на юге поселения Пейне. Лагуна Гхаса потрясает на этом пути больше всего. Это уже настоящее озеро, образовавшееся из нескольких, чьи подпитывающиеся Рио-Гранде воды, — единственные, сумевшие выдержать процесс высыхания, поразивший весь район. Чистые берега лагуны превратили в свои колонии различные микроорганизмы, придающие лужам переливчатые цвета, — от красного до зеленого, в зависимости от вида поселившихся в них водорослей.

Удивительна панорама соляной корки, составленной из мириад аккуратных шестиугольников. Это целая сокровищница нитратов, а также самые большие запасы в мире лития — щелочного металла, используемого в металлургии, фармакологии и в керамическом производстве.

Три часа на вездеходе — и я уже на плоскогорье Татия, на высоте 4200 метров над уровнем моря, взираю на поистине апокалиптическое зрелище: 40 гейзеров и 70 действующих фумарол. Сильные выбросы горячей воды поднимаются в воздух на несколько метров и с шумом и свистом заливают зону в 10 квадратных километров. На такой высоте вода закипает при температуре 86 градусов Цельсия, а на глубине 800 метров ее температура достигает 265 градусов.

Пустыня Атакама становится главным действующим лицом истории Чили. В этих краях были обнаружены крупные залежи меди, железа, нитратов. Эти богатства и стали причиной войны в 1878 — 1884 годах между Чили, Перу и Боливией за права на новые месторождения.

И по сей день горнодобывающая промышленность остается одной из немногих активных отраслей в разоренной чилийской экономике. Поэтому турист, блуждающий в поисках истории по голым плоскогорьям района, не может не посетить Чикимату, самую большую в мире шахту, где работы ведутся открытым способом: это гигантский амфитеатр, в котором ежедневно 10 тысяч шахтеров добывают около 300 тысяч тонн сырья, готового для переработки в 2 тысячи тонн чистой меди. Вот оно где — богатство пустыни Атакама.

Длина карьера — пять километров, ширина — два, глубина — 600 метров. И все это на высоте 3000 метров над уровнем моря. Все вокруг кажется неподвижным и окаменелым. Из-за недостатка кислорода тяжело дышать.

... Дальше, к востоку, на Кордильера-де-Домейко, попадаешь в измерение, лишенное фактора времени. Асфальтовая дорога исчезает с последними приметами цивилизации. Вступаешь в земли, не принадлежащие никому, только жгучему солнцу днем и пронзительному холоду ночью. Пейзаж, будто перенесенный с чужой планеты...

И когда я возвращаюсь к Тихому океану и обогащенная кислородом кровь сильнее пульсирует в жилах, трудно поверить, что в нескольких часах пути отсюда проходит «граница мира»...

Перевела с итальянского Е. ЛИВШИЦ